

Несовместимость

на несовместимости —

путь Стефана Броншвейга

«Костюм» Аякса оказался одной из самых притягательных тем для обсуждения во время Парижского театрального фестиваля. Публику, пресыщенную видом обнаженных классических статуй, казалось, не удивить зрелищем совершенно голого мужчины, измазанного грязью и кровью, с деревянным мечом в руках. Однако первое же появление Аякса шокировало даже самых искушенных и предупрежденных.

Спектакль Стефана Броншвейга обманывает любые ожидания. За откровенным китчем разыгрывается нечто сродни политической комедии. Тем не менее нет никакого стремления приблизить древнюю трагедию к нашему времени. Броншвейг выбирает очень редкий, поистине «отстраненный», почти «археологический» перевод пьесы на французский язык поэта-парнасца Леконта де Лиля.

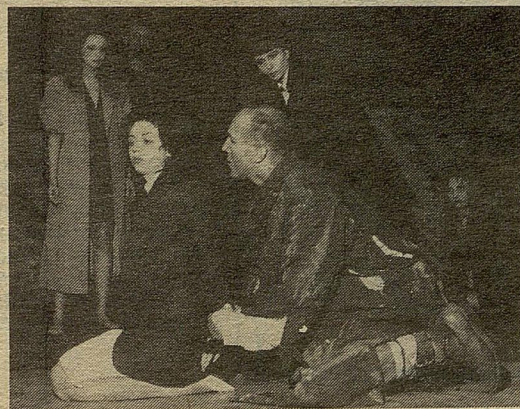
Все в пьесе построено на несовместимых сочетаниях: и сам текст совершенно чуждый,

малопонятный с точки зрения современного французского языка, воспринимается как некая абстракция: серые пиджаки на мужских персонажах, условно стилизованные под Элладу одеяния женщин. Гигантские древнегреческие маски...

Стефану Броншвейгу 27 лет. Начал с того, что изучал философию, будучи студентом Эколь Нормаль Сюпериор, самого престижного заведения Франции. Ставил с сокурсниками спектакли до тех пор, пока совсем не забыл о философии, по его же собственному признанию. Затем поступил в Школу национального театра Шайо, и метром его стал Антуан Витез. Здесь Броншвейг создал труппу «Театр-Машина». В 1988 году он поставил «Войска» Г. Бюхнера в собственном переводе, затем «Барабаны в ночи» Б. Брехта и «Дон Жуан возвращается с войны» Э. фон Хорвата, которые и объединились в цикл «Снеговика», воображаемая немецкая трилогия». В 1991 году они были показаны на сцене театра Жаннвиллье. И сразу же внимание со стороны критики: «Мы так давно ждали молодого режиссера, способного со страстью поставить текст. Вот он. Какой удар!» — писала французская «Телерама».

За свою «Воображаемую немецкую трагедию» Броншвейг получает премию первооткрывателя, учрежденную профсоюзом драматической и музыкальной критики. Спектакль «Аякс», несмотря на спорность, еще больше укрепил надежды критиков. Сейчас Броншвейг ставит в театре Шатле оперу Филиппа Фенелона «Воображаемый рыцарь», а вместе со своей группой «Театр-Машина» — «Вишневый сад».

На вопрос о занятиях философией режиссер отвечает: «У меня всегда была аллергия на великие философские системы. Я хотел реализовать в театре то, что никогда не могло удовлетворить меня на уровне философского рассуждения. Философское рассуждение, истинное, то есть не противоречащее самому себе, — плоское. В театре же мы находимся внутри постоянных противоречий: желания актеров, пространство, которое может быть очень абстрактным, игра актеров, которая может быть очень конкретной, — противоречия, которые вызывают постоянное напряжение смысла».

На вопрос, почему для следующей постановки выбрана пьеса «Вишневый сад», Броншвейг отвечает: «Это форма, которая идет к своему истощению, к концу. Конец «Вишневый сад» знаменует смерть театра, того театра, что мы называем буржуазным. Это последняя пьеса Чехова, и он словно убивает в ней свой собственный театр. Идея поставить «Вишневый сад» пришла, когда я делал «Барабаны в ночи», где персонажи в состоянии свободного падения и хотя бы за что-нибудь зацепиться, а в «Вишневом саде» они даже и не стремятся зацепиться, потому что не осознают, что падают. Они больны, но не замечают этого. Еще меня привлекла музыкальная конструкция письма, не на уровне звуков, но смысла. В первых трех актах можно читать партитуру каждого персонажа, и это будет тоже рассказ о вишневом саде, это как бы скрещивающиеся монологи. В IV акте все расстраивается».

«Будущее в пьесе, — считает Броншвейг, — еще очень далеко. Прошлого у персонажей теперь тоже нет. Чехов вступает в то, что называется «неуверенностью настоящего», а это проблема, волнующая каждого из нас». Так создатель голого Аякса совершенно классически трактует актуальность комедии Чехова.

Елена ГАЛЬЦОВА.

● Сцены из спектаклей «Барабаны в ночи» и «Аякс».

Фото Лайбе де Дройт.